

УДК 821.161.1

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ СКАНДАЛ
В КРИТИКЕ В.П. БУРЕНИНА***Н.Н. Шабалина***Аннотация**

В статье рассматривается литературный скандал как особый способ декларации взглядов критиков и писателей середины XIX века. Изучение полемики между газетой «Санкт-Петербургские ведомости» и журналом «Отечественные записки» показывает, что скандал является доминантой критики Буренина, применяется не только как орудие борьбы с инакомыслием, но и как средство привлечения внимания читателя, и обладает рядом постоянных характеристик (систематичность, провокационность).

Ключевые слова: литературный скандал, критика, полемика, полемические приёмы, стратегия поведения, дискредитация, пиар.

Жизнь общества подчинена принятым в нём нравственным запретам (личные ограничения, закон, культурные табу, цензура), призванным защитить человека от посягательств со стороны социума. Преодолеть эти барьеры можно несколькими способами, одним из которых является скандал, разрушающий социальные, этические и эстетические установки и поэтому родственной карнавалу, дионисийской оргии, шабашу или революции [1]. Скандал обнажает и обезоруживает личность человека потому, что существует вопреки нормам.

Скандал как феномен культуры имеет давнюю историю. На русской почве появление скандала как особой литературоведческой категории следует отнести к XVIII столетию. Как отмечает В. Новиков, «само становление русской словесности происходило в атмосфере бурных споров, зачастую сопровождавшихся переходом на “личности”». Отнюдь не отличалась “политкорректностью” полемика Ломоносова и Сумарокова, а затем и борьба “Арзамаса” с “Беседой”» [2, с. 15]. Применительно к искусству XX века в целом скандал рассматривается уже как отдельная культурологическая (и литературоведческая) категория [1]. На наш взгляд, рекламным, «медийным» ходом скандал становится в конце XIX в.: именно тогда в литературной жизни важную роль начинает играть фактор успеха, обеспечивающего писателю громкое имя, стабильную репутацию и неплохой доход. Сложившаяся ситуация влияет на изменение основных функций скандала: противостояние «давлению времени» и защита от «властно-цензурной твердыни» утрачивают свою весомость и отходят на периферию [2, с. 15]. На первый же план выдвигается иная функция: привлекать внимание к личности автора. Poleмика становится своеобразным средством рекламы: естественным образом генерирует читательский интерес, несмотря на отрицательную окраску

(в основе множества скандальных статей той поры лежат слухи, сплетни и не всегда обоснованная критика), выгодна обеим сторонам, но вызывает интерес лишь у публики, жаждущей разоблачений.

В то же время скандал обнажает внутренние противоречия литературного развития. О.А. Проскурин пишет: «Некоторые из литературных полемик... поражают мелочностью поводов и отсутствием ясно выраженной принципиальной позиции. Но, распутывая клубок из взаимных обвинений в глупости, косности, невежестве или политической неблагонадёжности, мы в итоге почти всегда можем обнаружить, что в сердцевине этого клубка – серьезные литературно-эстетические разногласия, свидетельствующие о чрезвычайно сложных и динамичных процессах, происходящих в недрах литературы» [3, с. 15].

В истории культуры и литературы принято квалифицировать скандал и как технику построения художественного текста, например, в романах Ф.М. Достоевского, и как стратегию творческого поведения (книгоиздательскую, выставочную, театральную деятельность участников авангардного движения), и как форму межличностного общения (писательские ссоры) [1]. Таким образом, скандал, являясь неотъемлемой частью литературной жизни, играет немаловажную роль в литературном процессе: поскольку «история литературы выражается в судьбах людей», скандал становится «индикатором, градусником духовно-эстетической температуры» [2, с. 15].

Скандальное поведение как творческая стратегия становится в XIX в. и орудием борьбы с инакомыслием, и средством саморекламы. Ярким примером служит ожесточённая полемика между журналом «Отечественные записки» и газетой «Санкт-Петербургские ведомости», в частности, с её фельетонистом В.П. Бурениным, который был активным участником «литературных боёв» 70–80-х годов XIX в., имел репутацию беспринципного циника, литературного хулигана и скандалиста и безжалостно высмеивал своих идеологических и литературных противников (в их числе – М.Н. Катков, П.М. Леонтьев, А.А. Фет, А.Н. Майков, Н.Ф. Щербина, С.Я. Надсон и Ф.М. Достоевский).

Выступление сотрудника «Отечественных записок» Н.К. Михайловского против «Санкт-Петербургских ведомостей» не было случайным: сотрудники изданий придерживались противоположных литературно-эстетических взглядов. «С самого преобразования “Отечественных записок” “Санкт-Петербургские ведомости” не оставляли своими милостивыми, что называется “подёргиваниями”» (ЛЗ1, с. 314). Косвенной причиной начавшегося литературного скандала явилось то, что в пятой главе «Дневника провинциала» газета «Санкт-Петербургские ведомости» была названа «Старейшей Всероссийской Пенкоснимательницей», так как была на тот момент главным органом русского либерализма. В ответ на критику со стороны М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.К. Михайловского в издании В.Ф. Корша были опубликованы две большие передовые статьи и серия фельетонов В.П. Буренина.

На первой стадии полемики Буренин упоминался мимоходом, как сотрудник редакции газеты, либерально-буржуазный тон которой и критиковался Михайловским: «Самая видная наша либеральная газета “Санкт-Петербургские ведомости” исповедует протекционизм, который ведёт к усилению буржуазного начала в обществе. Вместо того, чтобы способствовать, по мере сил и возможности,

выработке доктрины, столь же цельной и всеобъемлющей, как либерализм» (ЛЗ1, с. 316). Однако за стремлением разоблачить отсутствие у газеты единого политического направления скрывается желание не просто привлечь внимание к сложившейся в журналистике ситуации, но и дискредитировать сотрудников газеты: «...Не все же передовые статьи “Санкт-Петербургских ведомостей” пишутся шестилетними девочками. Могли бы они у себя в редакции найти кого-нибудь поизобретательнее» (ЛЗ1, с. 315). Здесь отчётливо виден намёк на В.П. Буренина, который с 1866 года вёл журнальное обозрение и писал передовицы. В.Е. Евгеньев-Максимов пишет: «Разобиженный Буренин обрушился на своего противника рядом грубых, крикливых, но вовсе не убедительных статей» [4, с. 321]. Такая точка зрения представляется спорной, так как изначально Буренин только парировал удары противника, подмечая недостатки изложения: «Многие сотрудники журнала на всякие лады усиливаются как можно чувствительнее уязвить “Санкт-Петербургские ведомости”, обнаруживая при этом тот же избыток такта... то же благородное уважение к чужому литературному имени» (СПб2). Автор сдержан в оценках, не даёт грубых прозвищ, не оскорбляет оппонента, напротив, пытается показать противнику свое интеллектуальное превосходство. Константой выступлений Буренина становится покровительственно-ироничный тон: «почтительный орган», «забросать противника упрёками, наговорить три короба несообразностей», «мы охотно готовы поверить этим господам на слово» (СПб1). Однако его советы вызывают в противнике лишь агрессию: «вы шалопай», «я чуть не сказал: шут гороховый» (ЛЗ2, с. 178, 183). Буренин же стремится разобраться в проблеме, призывает к здравому смыслу и в качестве орудия борьбы выбирает смех: «Эта внутренняя свобода мысли есть нечто крайне любопытное, если судить о ней по описанию “Отечественных записок”. Кто носит тяжёлые оковы, тот внутренне свободен» (СПб2). С абсурдностью журнального определения «внутренней свободы мысли» читатель соглашается безоговорочно; использованный критиком полемический приём оказывается очень действенным. Буренин искусно дискредитирует оппонента в глазах публики потому, что поставил под сомнение степень его осведомлённости, одновременно продемонстрировав свою эрудицию.

Следующая стадия полемики уже имеет признаки скандала: стороны не преследуют цели прийти к компромиссу, возникают упрёки личного характера, оппоненты нарушают нормы поведения. Первоначально Михайловский полемизирует достаточно сдержанно, однако появление буренинского фельетона (№ 144) послужило своеобразным толчком к изменению тона его выступлений. Возникает броский заголовок «Беседа со старым воробьём» (так обозначен Буренин), призванный убедить читателей в том, что Михайловский решил не церемониться: «...Я наступил недавно на одного такого клопа, на г. Буренина, и он воскурил уже свой фимиам... г. Буренин воздержится от потешных суждений по вопросам, в которых он есть воистину “z” или последняя буква азбуки» (ЛЗ2, с. 172). Обвинения личного порядка искусно вплетены в литературно-исторический контекст: автор анализирует особенности литературной позиции своего противника, презрительно низвергая все его принципы: «...И вот к тому моменту, когда литература опять получает возможность с грехом пополам дышать, такой старый воробей окончательно забывает, что его призвание состоит

в исполнении обязанностей гименов Фурье. Он шныряет по всем редакциям, собирает слухи, сплетни»; «...что касается до вновь прибывающих литературных сил, то в силу того, что он старый воробей, а они “юны”, он третирует их свысока» (ЛЗ2, с. 176). В выступлении чувствуется не только литературное, но и личное соперничество Михайловского с фельетонистом: «Меня, честного труженика, собственными силами добывающего свой насущный хлеб... меня покровительственно одобряет воробей! Ворона в павлиньих перьях, не имеющая положительно никакой подготовки для суждения о занимающих меня предметах» (ЛЗ2, с. 177). Стержнем статьи становится неоднократно употреблённая в разных контекстах поговорка «старого воробья на мякине не проведёшь», призванная показать приспособленчество и беспринципность Буренина, скрытые за хитроумной опытностью «старого воробья». Превращение в «клопа» наделяется особым полемическим смыслом: оно используется с целью подчеркнуть самые низменные качества противника, паразитирующего на либеральных воззрениях, которых он на самом деле не разделяет.

Подобные замечания Буренин не может оставить без внимания, поскольку теперь они метят в него самого. Критик вновь избирает тактику советника, более опытного и искушенного в литературных делах – в полном соответствии с данным Михайловским прозвищем. В первой части фельетона он описывает причины разразившейся полемики, стараясь быть беспристрастным и объективным, однако и здесь резкие оценки неизбежны: «...Он (читатель. – *Н.Ш.*) может уяснить довольно ярко, что за направление таится в воззрениях “Отечественных записок”, которые провозгласили скандал как новое средство цивилизации» (СПб2). По ходу разбора тон критика становится всё более язвительным, он позволяет себе ряд некорректных выпадов против редакции «Отечественных записок»: «почтенный орган молчальников», «непочтительных Хамов этого Ноя отечественной журналистики» (СПб1). Далее Буренин отвечает на упрёки, адресованные именно ему. Разговор о личности Михайловского стилизован под «лёгкий» анекдот, однако за этой умышленной непринуждённостью беседы скрывается истинное авторское отношение, о котором свидетельствуют ядовитые намёки, ирония и сарказм. Оскорблением в его устах звучит слово “юный”, которое вызывает реакцию протеста у литературного противника: «Эк вам, однако, моя юность поперёк горла стала!» (ЛЗ2, с. 181) – ведь обвинение в неопытности означает, что человек не обладает необходимыми для осуждения других знаниями. Следует неутешительный вывод: «я, однако же, должен объяснить, что все его статьи – все без исключения – выходили больше в печати, чем в свете» (Ж1, с. 2). Эта биографическая подробность – молодость и неопытность – в интерпретации Буренина превращается в профессиональный недостаток Михайловского.

Еще одним излюбленным приёмом литературной борьбы у Буренина становится цитация. Михайловский характеризует стиль цитирования Буренина как мимикрию: «Для определения будущности “Санкт-Петербургских ведомостей” я употреблял метафору, именно сказал, что они выйдут замуж, и из статьи смысл этой метафоры был совершенно ясен. Почтенная газета выхватывает эту метафору и советует “Отечественным запискам” вступить в брак со здоровым рассудком» (ЛЗ1, с. 315). Однако фельетонист использует цитацию творчески,

по-новому расставляя акценты: фраза, вырванная из первоначального контекста, приобретает иной смысл: «мы со своей стороны, присоветуем нашей почтенной Revue вступить в супружеский союз со здравым смыслом», так как «отношение последней к жизни такое, что повергает, вероятно, читательскую публику в изумление» (СПб1). Несмотря на мелкие нападки, часть статьи, которая посвящена разбору литературного опыта Михайловского, отличается доброжелательностью.

Буренин-критик действует как превосходный психолог: он, будто старший брат, наставляет, поучает противника, приправляя советы иронией и юмором. Полемические приёмы Михайловского охарактеризованы так: «он то притворяется, что он взрослый, которого мальчики (“Санкт-Петербургские ведомости” – *Н.Ш.*) треплют за фалды, то заявляет, что он сам мальчик, шаловливо кидаящий камни в болото и распугивающий в оном лягушек, то рассказывает про девочку с колбасой, с которой вступал в споры, то – что играл с игрушкой “ванькой-встанькой”» (Ж2, с. 1). По мнению Буренина, Михайловский, ввиду своей молодости, неспособен адекватно оценить ситуацию. Критик обвиняет Н.А. Некрасова и весь редакционный кружок журнала «Отечественные записки», которым следовало бы «воздержать своего неопытного любомудра от подобного вредного самомнения», так как «он ещё ученик, подающий надежды» (Ж1, с. 2). Прогноз фельетониста о будущем Михайловского таков: «Мне думается, журнальное дитя теперь лепечет, а со временем оно, быть может, вырастет и будет говорить и писать по-настоящему» (Ж1, с. 2). Далее Буренин вновь говорит как наставник: «Ежели так, то в добрый час. Я обеими руками благословляю г. Михайловского» (Ж1, с. 2).

Основная цель такой стратегии – «снять “культурную” маску с литературного противника и указать ему на его истинное лицо “обывателя” по духу и образу жизни, как бы уравнивать его с “массой”» [5, с. 9]. Критик называет Михайловского «скверным и ограниченным болтуном», «литературным червяком» и откровенно заявляет, что своими нападками ставит Михайловскому «ловушку довольно грубо и без всякой осторожности» (Ж2, с. 1). Вполне отвечает задачам литературного скандала выбранный Бурениным жанр литературного фельетона, «который был использован как инструмент острой полемики и давал возможность включать в изобилии личные нападки на того или иного автора» [5, с. 9]; он же определяет особенности использования художественных средств: каламбуров, символов, аллегорий, сравнений, экспрессивной лексики.

Литературная полемика между Бурениным и Михайловским, продолжавшаяся в течение длительного времени, вполне соответствовала концепции борьбы журнала «Отечественные записки»: победить врага его же оружием. Поведение же язвительного и резкого критика современники восприняли как капитуляцию перед более сильным противником. В письме Н.С. Курочкина Н.А. Некрасову видим: «Полемика с “Петербургскими ведомостями” кончилась совершенным поражением Буренина. Он в последнем фельетоне защищается, но защита его вышла окончательно слабой, беззубой» [4, с. 324]. На короткое время полемика прекратилась, но потом разгорелась вновь и была воспринята как далеко вышедшая за рамки литературной и журналистской дискуссии: Буренин начал использовать грубую брань в адрес противника, говорить не об общественной

деятельности противника, а о его личных качествах, что вызвало негодование окружающих (напомним, что полемика с Н.К. Михайловским предвосхитила будущую травлю Надсона).

Итак, полемические выступления Буренина выстроены по определённому плану и имеют ряд устойчивых характеристик.

Основным приёмом является низвержение противника. Разрушению литературной репутации, как правило, предшествуют непростые личные отношения с оппонентами, которым критик в начале творческого пути оказывает покровительство (лестно отзывается о первых опытах Михайловского, помогает в публикации сборника стихов Надсона). Бурениным активно используется «провокация против любых “интеллигентских” приличий ведения критической полемики» [5, с. 9]. При этом целью становится не просто разоблачение, а дискредитация личности литературного противника, которая даёт критику возможность продемонстрировать читателям собственные убеждения.

Мы не согласны с популярным в литературных кругах того времени мнением о том, что Буренин «вряд ли понимал какой-либо другой язык», кроме языка оскорблений [4, с. 323]. В.П. Буренин – первый «целенаправленный организатор “пиар-кампаний” в критике, умелый режиссер литературных скандалов – в эпоху, когда ещё термина “пиар” в общественном сознании не существовало» [5, с. 16]. Категория скандала является в его критике определяющей, это своеобразная стратегия поведения, для которой характерно сложное «переплетение пронизательных прогнозов и откровенно конъюнктурных суждений» [5, с. 16]. Его выступления никого не оставляли равнодушным, оказывали влияние на формирование репутаций, вскрывали глубинные противоречия литературного процесса. Всё это делает критику Буренина достойной более подробного рассмотрения.

Summary

N.N. Shabalina. Literary Scandal in the Critical Works of V.P. Burenin.

This article considers literary scandal as a special way of expressing opinion, peculiar to 19th century critics and writers. The analysis of the “Sankt-Peterburgskie Vedomosti” newspaper’s polemic with the “Otechestvennye Zapiski” magazine shows that literary scandal is a dominant trait of Burenin’s criticism. It is used both to denounce the opponents’ views and to attract readers’ attention, and is characterized as systematic and provocative.

Key words: literary scandal, criticism, polemic, polemic techniques, behaviour strategy, discredit, PR.

Источники

- Ж1 – Буренин В.П. Журналистика // С.-Петербург. ведомости. – 1872. – № 144. – С. 1–2.
Ж2 – Буренин В.П. Журналистика // С.-Петербург. ведомости. – 1872. – № 170. – С. 1–2.
ЛЗ1 – Михайловский Н.К. Литературные и журнальные заметки // Отеч. зап. – 1872. – № 6. – С. 312–318.
ЛЗ2 – Михайловский Н.К. Литературные и журнальные заметки // Отеч. зап. – 1872. – № 7. – С. 143–184.
СПб1 – С.-Петербург. ведомости. – 1872. – № 138. – С. 1.
СПб2 – С.-Петербург. ведомости. – 1872. – № 142. – С. 1.

Литература

1. Семиотика скандала: Сб. ст. – М.: Европа, 2008. – 584 с.
2. Новиков В. Поэтика скандала // Литература: Еженед. прил. к газ. “Первое сентября”. – 2003. – № 36. – С. 14–15.
3. Прокурин О.А. Литературные скандалы пушкинской эпохи. – М.: ОГИ, 2000. – 366 с.
4. Евгеньев-Максимов В.Е. Н.А. Некрасов и его современники. – М.: Федерация, 1930. – 336 с.
5. Игнатова И.Б. Литературно-критическая деятельность В.П. Буренина: генезис, эволюция, критический метод: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2010. – 17 с.

Поступила в редакцию
01.09.11

Шабалина Надежда Николаевна – ассистент кафедры русской и зарубежной литературы Елабужского филиала Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: nadezhada_85@mail.ru